

Он всё ещё ребёнок, просто немного болтлив. Чжан Цилин продолжал объяснять, констатируя факты, которые наблюдал, и его тон оставался неизменно спокойным и объективным. Втягивать его в этот план изначально было долгом перед ним, и он непременно защитит его жизнь в пределах своих возможностей.

Это утешение ничуть не успокоило Хэй Сяцзы. Немой совсем ничего не понимал: Чжан Цилин признавал лишь одного партнера, но что насчет Ци Лин? Фэн Чжи и Цан Юэ тоже преследовали собственные цели. Хотя он и захватил инициативу, закрепив за собой этого человека, что, если тот, подобно героям из сюжета, забудет всё на свете, кроме одного лишь У Се? А что, если к нему вернуться воспоминания из других миров? Тогда он перестанет принадлежать ему одному. В конце концов, в Хунхуане о морали и вовсе не слыхали.

Ребёнок? Болтлив? Всего лишь болтлив — и этого достаточно, чтобы ты позволил ему дарить тебе всю эту вычурную чепуху? Ты-то считаешь его ребёнком, но он тебя старшим отнюдь не видит. Хэй Сяцзы подался еще ниже, и его горячее дыхание обожгло лицо Чжан Цицина. Немой, да этот парень замышляет против тебя недоброе!

Замышляет недоброе? Чжан Цилин припомнил поступки У Се и слегка засомневался.

Он и впрямь немного бестолков. Заметив на лице Чжан Цицина недоумение — мол, не надумываешь ли ты лишнего? — Хэй Сяцзы ощутил, как у него в груди всё сжалось от досады, а на смену ей прихлынули жуткое бессилие и еще более яростная волна ревности. Он знал, что в некоторых вещах Чжан Цилин чист до абсолютной пустоты, но именно поэтому подобное неосознанное принятие бесило его еще сильнее. Да они же говорили на совершенно разных языках!

Он резко выпрямился, раздраженно сделал пару шагов по тесной комнате, затем развернулся и уставился на Чжан Цицина опасным взглядом:

— Хорошо, ответь мне, кто я?

Чжан Цилин приподнялся и озадаченно посмотрел на него, не понимая, с чего это тема разговора вдруг свернула в такую сторону. Но всё же ответил:

— Сяцзы.

— А еще кто? — Хэй Сяцзы надвигался на него.

— Фунреу? — Чжан Цилин мысленно отбросил боевых товарищей и напарников, пропустил мимо ушей супруга, пару, жену, невестку и прочие английские слова, выбрав самое древнее из тех, о чем ему рассказывали сородичах. Согласно его воспитанию, фунреу — это тот, с кем делят всю жизнь, вот только интересно, согласен ли на это сам Сяцзы.

Глядя на его слегка растерянный вид, языки пламени в груди Хэй Сяцзы взметнулись еще выше, но тут же были подавлены этим единственным словом фунреу.

В его голосе прорезалась обида, которой он сам в себе не замечал, и он злобно бросил:

— Раз знаешь, что фунреу, так запомни, Чжан Цилин: ты — мой человек. С головы до ног, изнутри и снаружи, весь целиком принадлежишь мне. Никто другой, и особенно этот парень по фамилии У, не смеет к тебе даже прикасаться или думать о тебе! Понял меня?

Эти слова звучали властно и дерзко, неся в себе жгучее чувство собственности. Чжан Цилин вовсе не был против, более того — в какой-то мере он привык к подобным неразумным границам, которые очерчивал Сяцзы, и даже находил в этом удовольствие.

Подумав немного, он решил предпринять кое-какие действия, чтобы успокоить человека, явно пребывавшего в состоянии ярости. Он протянул руку и похлопал Хэй Сяцзы по макушке.

— Не сердись.

Он попытался вспомнить, как обычно Сяцзы утешал его самого или пытался загладить вину после того, как разозлит, но все эти шуточки, ужимки и дурашливые приемы были ему совершенно не под силу. Он смог выжать из себя лишь сухое добавление:

— Больше не буду брать. — И даже подался лицом вперед, давая тому оценить всю твердость своего намерения.

Тело Хэй Сяцзы мгновенно напряглось. Ему показалось, что Немой его соблазняет: греховный огонь вспыхнул с новой силой, но ему вновь пришлось силой гасить его. Завтра Немому предстоит вести за собой в подземелье парочку балластов, и он не может позволить себе творить глупости посреди всего этого. Придется пока приберечь желания.

— Больше чтобы никаких «в следующий раз»! — Его натянутые нервы немного расслабились.

Чжан Цилин кивнул.

— Больше не будет. — Помолчав и заметив, что Хэй Сяцзы по-прежнему не улыбается, он попытался исправить положение: — Съешь.

Хэй Сяцзы опешил:

— Что съесть?

Чжан Цилин указал взглядом на лежавшие на столе снеки и яблоки:

— Съешь вот это.

Как только доешь, этот инцидент будет исчерпан, и ты больше не сможешь на меня сердиться. Ему всё же больше нравилось, когда Сяцзы улыбался и его глаза сияли.

Хэй Сяцзы: «...»

Глядя на то, как в глазах Чжан Цилина проносятся целые потоки мыслей, он тяжело вздохнул и велел себе смотреть на вещи проще. Ладно уж, раз сам выбрал этот камень, то пусть он и не пробит до конца — по крайней мере, теперь он хотя бы умеет успокаивать людей, верно?

Словно выплескивая накопившуюся злость, он обхватил ладонями лицо Чжан Цилина и заглянул ему прямо в глаза.

— Немой, если ты посмеешь меня предать, я запру тебя так, что ты никуда больше не сможешь уйти!

— Мм, — отозвался Чжан Цилин, не выказав ни колебаний, ни сопротивления.

Хэй Сяцзы вперил в него взгляд еще на несколько секунд, внезапно вздохнул и опустился ниже, вложив в этот тяжелый поцелуй всю свою мстительность и желание заявить права. В этом поцелуе не было ни капли нежности — властный, поспешный, почти грубый, он терзал и прикусывал губы, словно стремясь навсегда выжечь на этом человеке собственное клеймо.

Чжан Цилин позволил ему выплеснуть бурю, а затем сам перехватил инициативу. Лишь спустя долгое время Хэй Сяцзы опомнился, тяжело дыша. Он целиком уткнулся в объятия Чжан Цилина; его солнцезащитные очки слетели на пол, обнажив прекрасные глаза, в которых сейчас бушевали остатки не остывшей страсти и сложная смесь беспомощности. Как вышло, что он снова проиграл тому, у кого даже нет полных воспоминаний о собственной душе?

— Завтра... — Чжан Цилин попытался успокоить охвативший его жар. Голос его звучал чуть хрипло.

— Завтра я иду следом, — перебил его Хэй Сяцзы твердым тоном. — Вы идете своим путем, я — в тени. Но если ты посмеешь снова заговорить с этим паршивцем... — Он не договорил, но смысл был понятен без слов.

Чжан Цилин не стал возражать. Он лишь спросил:

— Где ты остановишься?

Хэй Сяцзы криво усмехнулся:

— В машине, где же еще. Очень удобно, ты же прекрасно знаешь! — Он ткнул Чжан Цилина пальцем в грудь с прозрачным намеком.

Не хотелось уходить слишком далеко, но и открыто присоединяться к компании У Саньсина было нельзя — этот вариант подходил идеально.

Чжан Цилин перехватил его шаловливую руку, слегка кашлянул и кивнул, показывая, что понял.

Хэй Сяцзы помялся еще немного, прежде чем подняться на ноги. Подометрив очки, он вновь напустил на себя привычный развязный вид, хотя взгляд его по-прежнему лип к Чжан Цилину.

— Ложись пораньше. Завтра... будь осторожнее.

— Угу, — произнес Чжан Цилин.

Хэй Сяцзы дошел до двери и снял звукоизоляционный барьер: вспыхнул и тут же угас слабый свет, а сам он бесшумно растворился в ночной темноте.

В комнате снова воцарилась тишина.

Чжан Цилин понимал, что Сяцзы, скорее всего, просто «взревновал» — его рассердили близость У Се и эти гостинцы, рассердили очень сильно. А ему не нравилось, когда Хэй Сяцзы злился.

Что же касается У Се... Подумав, он решил держаться от того чуть подальше.

Убедившись в правильности этого решения, он закрыл глаза, и его дыхание постепенно выравнивалось и стало глубоким.

А где-то за деревенской окраиной, в тени незаметного старого внедорожника, Хэй Сяцзы смотрел на экран телефона, где в отражении зеркала был виден уже заснувший профиль Чжан Цилина, и глаза его казались бездонными.

Он поднял руку и подушечкой пальца легко провел по чуть припухшим губам любимого на экране, тихо фыркнув.

— Бессовестный... — Интонация звучала сложно — в ней смешались и досада, и вздох умиления. То ли дело было в том, что к нему вернулись воспоминания этого мира, то ли еще в чём-то, но он чувствовал, что стал проявлять к Чжан Цилину гораздо больше смирения и снисхождения, чем следовало...

<http://bllate.org/book/22390/2349319>